

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КИТАЯНОК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ЭРОЗИЯ ПАТРИАРХАЛЬНОСТИ, ПОСЛЕДСТВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Илэй Ли, Н.Л. Пушкарева

Илэй Ли | <http://orcid.org/0000-0003-1410-5826> | liyilei1212@gmail.com | аспирант | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | старший преподаватель | Ланьчжоуский университет транспорта (пр. Аньнинси 88, Ланьчжоу, пров. Ганьсу, 730070, Китайская Народная Республика)

Наталья Львовна Пушкарева | <http://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | д. и. н., заведующая центром гендерных исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

сельские жительницы, права женщин, реформы, женская повседневность, историческая антропология, устная история, пограничный район Шэньси—Ганьсу—Нинся, Китай, 1937—1949 гг.

Аннотация

В статье проанализированы мировосприятие и отношение местных жителей к проведенным новой властью в период с 1937 по 1949 г. реформам, в частности, к изменению социального статуса сельских жительниц провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся. Авторы полагают, что глубоко укорененные традиционные убеждения создавали большие трудности в реализации программ решительных преобразований, на которые была нацелена часть китайского общества, признающая социалистическую перспективу. Идеал “свободы брака”, активно внедряемый идеологами новой власти, получал признание с заметными сложностями. И все же реформы, начавшиеся в 1930-х годах, не только пошатнули опору казавшихся вечными конфуцианских основ традиций, но и способствовали формированию и подъему социального самосознания женщин, побуждая их учиться защищать свои права и интересы.

Информация о финансовой поддержке

Грант Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328]

Динамика перемен в Китае в целом и эволюция китайской семейно-брачной организации в частности в последнее время вызывают острый интерес китаеведов (*Ван, Цун* 2020: 174—180; *Манухина* 2007). Исследователи стараются выявить взаимосвязь между революционными трансформациями

Статья поступила 27.09.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 10.02.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Ли Илэй, Пушкарева Н.Л. Правовые аспекты семейной жизни китаянок в первой половине XX в.: эрозия патриархальности, последствия модернизации // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 2. С. 190—205. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020108> EDN: СКВJFY

Li, Y.L., and N.L. Pushkareva. 2024. *Pravovye aspekty semeinoi zhizni kitaianok v pervoi polovine XX v.: eroziia patriarkhal'nosti, posledstviia modernizatsii* [Legal Aspects of the Family Life of Chinese Women in the First Half of the Twentieth Century: Erosion of Patriarchate, Consequences of Modernization]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 190—205. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020108> EDN: СКВJFY

в политике и переменами в семейно-брачных установках. Очевидно, что традиционное китайское общество зиждилось на клановой организации семьи, обеспечивавшей стабильность и дававшей шансы на выживание в условиях социально-политических потрясений (Воцилина 2017: 27–30). Вторая гражданская война, длившаяся с 1 августа 1927 г. по 7 декабря 1949 г., стала одним из таких потрясений. Единственный район, оставшийся под контролем Коммунистической партии Китая (КПК) с середины 1930-х годов до завершения войны, — пограничный район Шэньси—Ганьсу—Нинся в Северной части страны.

В сентябре 1937 г. на стыке этих трех провинций был создан “базовый лагерь” революции, и за 12 лет КПК провела в районе ряд политических, экономических и культурных реформ, обретая опыт и заложив фундамент для упрочения новых социальных отношений в стране в целом. Не удивительно, что историки и социологи стремятся проанализировать ход успешных преобразований в пограничном районе Шэньси—Ганьсу—Нинся, в том числе и в области семейной политики. Менее изучена эта тема в ракурсе женской истории страны, между тем как реформа брачно-семейных отношений напрямую связана с решением “женского вопроса”.

Многочисленные академические исследования, анализирующие историю брачно-семейных отношений в пограничных провинциях Северного Китая, в основном сфокусированы на изучении изменений семейного права и семейной политики, реализовавшихся после установления особого политического режима в районе (Цинь, Юе 1997; Цуй 2000: 96–99; Хуан 2004: 75–99, 2006: 48–80; Юэ, Цинь 2004: 79–83; Ван 2007: 96–107; Цун 2009: 62–79, 2015: 131–149; Ван 2016; Ван 2018: 31–35). Куда меньше внимания уделялось историко-этнографическому исследованию китайских брачно-семейных традиций, анализу их быстрой адаптации к новым требованиям и ожиданиям в связи с внешним вмешательством в устоявшиеся представления о запретном и допустимом. Как же семейно-брачное реформирование, начатое в 1930-х годах, повлияло на обыденную жизнь и чувства тех, о чьем будущем счастье тогда постоянно твердилось? Как местные жители принимали и понимали реализацию брачной политики в своих провинциях, какие последствия для людей она имела? Практически не изучены оценки происходившего женщинами, “особость” их мировосприятия и отношение к проведенным тогда реформам, в частности к новому статусу сельских жительниц Шэньси—Ганьсу—Нинся в 1937–1949 гг.

Анализ на основе разнообразных источников (от газетных и архивных материалов до устных рассказов) восприятия женщинами первого в китайской истории специального реформирования брачно-семейных отношений — исследовательский долг антрополога повседневности, признающего значимость женского социального опыта.

Традиционная китайская семья и статус в ней женщины до начала преобразований второй половины 1930-х годов

В северных китайских провинциях Шэньси, Ганьсу и Нинся в начале XX в. соблюдались традиционные нормы заключения брака, люди жили согласно устоявшимся представлениям о значимости наследования фамильного имени для процветания рода (Безбах и др. 2015: 132–137). Предпочтение отдавалось мальчикам, рождение дочерей именовалось “пролитой водой” (см.: Черняко-

ва 2018). Такие установки в значительной степени подпитывались китайской конфуцианской культурой. Конфуцианство – правящая в Китае идеология – унаследовало основные концепции Чжоу ли, подчеркивающие различия между мужчинами и женщинами, превосходство мужчин и строгое разделение труда по половому признаку; эти установки поддерживались заинтересованными группами с целью сохранения установленного порядка (Ду, Ван 2004: 51–52). Отсутствие сыновей в семье рассматривалось в конфуцианстве как “непочтительность”; муж мог даже выгнать жену из дома, если она разрешалась только девочками. Статус женщины в семье целиком зависел от ее способности родить наследника (Сюй 2001: 108). Следствием предпочтения, отдаваемого мальчикам, становилось пренебрежение здоровьем дочерей – они не получали должного ухода, и их смертность была традиционно выше. Распространены были случаи недостаточной заботы о младенцах-девочках, преднамеренного их утопления. Годами усугублялся гендерный дисбаланс: соотношение мужчин и женщин в сельских провинциях Шэньси, Ганьсу и Нинся к началу 1930-х годов достигло 114,7:100 (нормальное демографическое соотношение: 102 мужчины на 100 женщин) (Фэн 2016: 93). Поиск для своих сыновей жен “не дожидаясь, когда они будут способны к деторождению и самостоятельной жизни” был обычной практикой в сельской местности (см.: Сюй, Ван 2001: 23). Отсталые формы китайских брачно-семейных отношений современные исследователи видят в сохранении брака-договора, брака как купли-продажи и вынужденного брака с малолетней невестой – все это было типично для северных провинций страны и 100 лет тому назад.

При выборе невесты для подростка 15–16 (иногда даже 12–13) лет обычно учитывалась *ба цзы* (совместимость на основе дат и времени рождения; брак не заключался, если выявлялась несовместимость [см.: Ян 2000: 178]). Вторым традиционным условием был размер девичьей ступни. Женщины с большим размером ноги считались “безобразными”, “невоспитанными”. Чтобы избежать общественного осуждения, девочкам бинтовали ноги с 5–6 лет (Дворкин 2000) (позже было трудно остановить рост костей и создать вместо ступней “32-сантиметровые золотые лотосы”).

Большинство пар не видели друг друга до свадьбы. Одна из жительниц района рассказала, что ее родителей поженили в 1935 г., когда они едва достигли 16 и 15 лет, и “они никогда не видели друг друга до помолвки; отношения между ними не были хорошими, но они прожили вместе всю жизнь” (ПМА 1: НУЗ). Недовольные брачной жизнью мужчины могли уйти из дома, оставив жену без средств к существованию и без возможности вновь выйти замуж. Женщины такой “опции” не имели и вынуждены были терпеть, при этом они не должны были сердиться на родителей, организовавших такой брак (“не вините отца и матери, вините лишь сватов за то, что их сердца [были] темны. Когда сваты умрут, их кости отправятся на розжиг” [см.: Хэ 2009: 209]).

Помимо всего прочего, заключение брака было делом недешевым. Семья молодого мужа или он сам обязаны были выплатить определенную сумму семье женщины как “подарок на помолвку”. Это этикетное правило поддерживало брачный порядок в течение нескольких веков (Лу 2012: 86–95), поскольку выкуп за невесту считался компенсацией семье невесты за потерю рабочей силы (Фридман 2000 [1958]: 38). Приданое было меньше выкупа. “Внесение” приданого в семью мужа было актом добровольным, выкуп – обязательным (Тао 2011: 266).

Чем беднее была семья мужчины, тем больший выкуп с него обычно требовали (Юе 2017: 44). “Для бедняка найти жену было непросто, потому на селе всегда было много неженатых мужчин” (ПМА 1: LPH). До конца эпохи Цин (1912 г.) выкуп принято было отдавать серебром. Аналогом денег была пшеница (один *дань*¹ пшеницы – за один год возраста²). Беднота района Шэньси–Ганьсу–Нинся занимала деньги и брала кредиты на выкуп невест для своих сыновей. Распространена в Китае была практика удочерения малолетних девочек в возрасте от 3 до 12 лет, чтобы впоследствии женить на такой воспитаннице одного из сыновей. Удочерение было способом избежать выкупа за невесту, поскольку не было “потери рабочих рук” в домохозяйстве, затраты на свадьбу в этом случае были минимальными (Вэнь 2005: 128). Воспитанницы с малолетства привыкали обслуживать семью, в которую были приняты. Травматический опыт будущих жен передает признание одной из них, приведенное в публикации В.Х. Ли: “Одежда не защищала от ветра, пронизывавшего до костей и вызывавшего дрожь. Когда другим не нужно выходить из дома в холод, мне надо идти на улицу, помогать в поле, собирать дрова. Свекровь выражала недовольство, я чувствовала себя виноватой” (Ли 2005: 454). Эти слова перекликаются с записанным нами рассказом:

Мою прабабушку в 12 лет отправили в семью будущего мужа. Жизнь ее там была невероятно тяжела: множество утомительных сельскохозяйственных работ, а в свободное от работы время – уход за мачехой моего прадедушки. Если еда готовилась медленно, ее ругали, если быстро – тоже. Через 4 года, в 16 лет, ее официально выдали замуж за прадеда. Дали одно одеяло на двоих, так муж часто забирал одеяло себе – ей оставалось лишь свернуться калачиком под шерстяным войлоком, промерзая от ледяного ветра и тайком плача (ПМА 2: LYL).

После замужества от любой девушки ожидалось рождение сыновей и выполнение работ по дому; права на развод женщина не имела. Народная песня севера Шэньси “Замучили невестку” точно отобразила суть семейных отношений того времени: “Продали меня за тридцать таэлей. Встаю рано – наносить воды, пряду до трех ночи. Сомкнула глаза – свекор зовет. Расчесываюсь, бинтую ноги, спешу к печи. Семья большая! Труднее быть невесткой, чем девушкой! Лучше смерть, чем такая жизнь” (см.: Ли 2005: 275). Фольклорному тексту вторит 87-летний житель: “Было раньше: женщины не имели права есть за столом, питались объедками. Невеста-ребенок была бесправна, голодала. Свекрови вообще-то должны были беречь беременных невесток, но обычно не берегли: беременные работали тяжело и много, не получая должного ухода” (ПМА 3: YSL). Мужья не противились власти своих матерей над невестками. За малейшую нерасторопность их могли “высмеять и обругать”, когда “свекровь курила на кровати, невестка ждала рядом, чтобы предложить огонек”, наказание выражалось в ограничениях в еде (Ли 2005: 453).

Составлявшие особую социальную группу афазий (девушек на выданье) молодые женщины усваивали идею восприятия мужской воли как своей, замужество считали неизбежной болью, стараясь переосмыслить значение мужской власти, чтобы поддержать себя (“когда я не работала на ферме, я рукодельничала, вырезая бумажные узоры, или собирала дрова с тетей в горах; мы обсуждали

мужчин, их пьянство, азартные игры, и время летело быстрее, когда мы были вместе, – это поднимало настроение” [ПМА 1: RLL]). Упомянутое в рассказе общение женщин было важной формой передачи женского социального опыта и социально-половой идентичности, так или иначе воспитывая готовность сопротивляться устоявшемуся веками патриархальному порядку.

Предыстория и начало преобразований (“Положение о браке в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся”)

Патриархальный семейный порядок начал эрозировать задолго до событий 1930-х годов, а именно – после распространения в Китае новых западных веяний в ходе и после Первой опиумной войны 1840–1842 гг. и проникновения в страну реформаторских идей. В работах китайских философов начала XX в., прежде всего Кан Ювэя (1858–1927) и Лян Цичао (1873–1929), можно обнаружить следы таких идей, распространявшихся одновременно с протофеминистскими. В этих трудах можно было встретить новые для китайской культуры понятия “социальная эволюция”, “естественное право индивида”. Их авторы первыми заговорили о нарушении “прав женщин, явленных в бинтовании ног и наложничестве” и первыми связали практику бинтования ступней с темой женского здоровья. Все чаще в работах китайских мыслителей говорилось о том, что лишь крепкая здоровая женщина сможет воспитать достойных сынов Отечества, что женское образование должно стать “главным фактором, определяющим силу государства” (см.: Лян 2015а: 37, 2015б: 19). Но все эти рассуждения определялись прежде всего социальным дарвинизмом, построение сильного государства связывалось с традиционным патриархальным порядком, женщинам же отводилась роль матерей и воспитательниц достойных сынов Отечества, а не равных мужчинам носительниц социального самосознания (особого женского самосознания) (Ван 1995: 107).

Опиравшиеся на теоретические выкладки мыслителей-мужчин китайские защитницы женских прав революционерка, журналистка Цю Цзинь (1875–1907) (*Giroulon* 1997) и ее младшая современница художница Хэ Сяннин (1878–1972) были одними из первых, кто потребовал социального и полового равноправия (Сун 2016: 105). Хэ Иньчжэнь в 1907 г. продолжила их идеи, предсказав, что упразднение частной собственности может и должно привести к действительному социальному равенству, в том числе женщин и мужчин (Лю и др. 2014: 69). 1910-е годы вообще были отмечены появлением множества передовых интеллектуалок (с которых и началось движение Новой культуры), настаивавших на пересмотре отношения к некоторым традициям и ритуалам, унижавшим и угнетавшим женщин (см.: История... 1989: 65).

Противостояние гнету традиционности распространялось первоначально лишь в городской среде и никак не затрагивало сельские районы. Нужна была поистине революционная решимость для ликвидации старых брачных устоев наряду с ломкой всей прежней социально-экономической системы. К этому стремились те, кто стоял у истоков создания КПК, кто принял на Втором национальном съезде компартии особую резолюцию о женском движении (см.: Декларация... 1989: 116). Вначале силы активистов были направлены на агитацию среди горожанок, но после неудач конца 1920-х годов и установления режима Чан Кайши было решено сосредоточить усилия на работе в сельской местности.

Социальной опорой коммунистов в небольшом числе подконтрольных им внутренних провинций страны — где в 1931 г. и было объявлено о создании Китайской Советской Республики — стали сельские жительницы. Во имя их политической мобилизации и создания социальной опоры новому государственному образованию в провинции Цзянси на юго-востоке страны 28 января 1931 г. был обнародован Декрет первой сессии ЦИКа Китайской Советской Республики, получивший название “Временные положения о браке” (см.: *Мао и др.* 2020). В немалой степени Декрет был вдохновлен аналогичными законами, принятыми в РСФСР и СССР, в частности Кодексом законов о браке, семье и опеке (1926 г.). “Временные положения о браке” предоставляли китайянкам впервые в их истории свободу заключения и расторжения брака. В 1934 г. в этот документ были внесены коррективы, ограничившие права на одностороннее расторжение брака со стороны жен воинов, сражавшихся за новую власть (*Цун* 2015: 132).

Когда в 1937 г. в северном пограничном районе Шэньси—Ганьсу—Нинся было создано новое правительство, оно изначально заявило о себе как о реформаторском, в том числе и в отношении брачно-семейного законодательства. В апреле 1939 г. это нашло отражение в особом “Положении о браке в пограничном районе Шэньси—Ганьсу—Нинся”, в основе которого лежал Закон Китайской Советской Республики о браке, принятый в 1934 г. в Цзянси (*Манухина* 2007). В документе 1939 г. провозглашалась равная свобода мужчины и женщины в вопросах заключения брака, запрещались полигамия, браки-договоры и брачные союзы с несовершеннолетними, в том числе с детьми-невестами, закреплялись ограничения брачного возраста (для мужчин — с 20 лет, для женщин — с 18 лет), вводилась система государственной регистрации брака в местных органах власти, определялись основания для развода (“насилие со стороны супруга”, “фундаментальное несогласие, не позволяющее супругам продолжать совместное проживание”, “супружеская измена”), был отрегулирован вопрос об алиментах и распределении имущества после расторжения брачного союза (см.: *Хань, Чан* 1984а: 804—807). Однако внедрение в жизнь “Положения...” столкнулось со множеством препятствий.

Конфликт старой и новой концепций брака и перемены в статусе женщин

Реформа брачно-семейного законодательства была попыткой одномоментного ниспровержения вековых устоев, основанных на мужском главенстве. Она натолкнулась на яростное неприятие и протесты со стороны мужчин в сельских семьях, где о защитницах женских прав даже не слышали. Родившийся в 1936 г. деревенский житель вспоминал, опираясь на рассказы родителей, что тогда

многие не понимали нового положения против браков по договору [полагая, что] новые правила безответственны, [поскольку] родители не участвуют в принятии решения о создании семьи детьми, когда те еще молоды и неопытны... [ведь ранее, если] юная девушка начинала встречаться с кем-то самостоятельно, то это считалось нецеломудренным, потому и говорили: нет брака без свахи (ПМА 3: YSL).

Особенно тяжело было отказаться от брака в форме купли-продажи. Один из наших информаторов сказал: “...крестьяне недоумевали, задаваясь вопросом,

почему это им вдруг стало нельзя продать своих дочерей за деньги после того, как столько средств и труда было вложено в их воспитание” (ПМА 3: YSL). По словам одной из жительниц провинции Ганьсу, за ее маму родители отца дали огромный выкуп: “30 юаней серебром, 3 даня пшеницы и 2 штуки ткани” (ПМА 4: HBQ) — такой выкуп был равен семейному доходу за два, а то и за три года. “Сверху есть политика, снизу — контрмеры! — комментировали ситуацию информаторы. — Плата за брак разумна и логична, существует с древних времен, вопрос лишь в том, сколько платить и чем: юанями, зерном, тканью” (ПМА 3: YSL). Как ни пыталась государственная власть ликвидировать систему выкупа за невесту, даже век спустя, когда сам институт брака начал, казалось бы, растворяться в новых практиках, эта форма компенсации родителям невесты сохраняется. Новшества в сфере брачно-семейного правового регулирования многие люди воспринимали как то, что “правительство вмешивается в частные дела семей” (ПМА 1: LPH), в особенности, когда дело касалось власти мужей над женами (закон запрещал мужьям жестокое обращение, в то время как семейное насилие было нормой — люди вспоминали старинное изречение: “Человек рождается из-под палки”).

Что касается самих сельских жительниц, они имели смутное представление и о предоставленной им свободе, и о новых правах. Женщины могли принимать решения, исходя из весьма ограниченного личного социального опыта. Чаше всего, некому было разъяснить им потенциальные выгоды права на развод, хотя очевидно, что именно это могло бы стать для них спасением от жестокого обращения со стороны свекрови и мужа. Распространение новых идей было возложено на пропагандистов, которые интерпретировали традиционные формы брака не иначе как пережиток прошлого, так что жительницы сельских районов не без сомнения и робости предпринимали попытки проявить самостоятельность. Тем не менее число разводов стало быстро расти, и к 1943 г. в пограничном районе Шэньси—Ганьсу—Нинся их было уже в 2,25 раза больше, чем в 1938 г. (см.: Архив 1 б.г.). Одна из наших респонденток из провинции Ганьсу вспоминала, что ее мама не могла решиться на развод, так как

у нее не было выбора, все девушки слушали родителей <...> Моя мама и отец были помолвлены в 1945 и поженились в 1946, папе было 16, маме 15 лет. Мама не хотела выходить замуж за отца — его семья была очень бедной, в ней были два холостых дяди отца в возрасте за 40, так что мама понимала, что выйти замуж означало бы для нее только больше работы (ПМА 4: HBQ).

Женщины веками молча терпели адские мучения немилото брака, новые законы давали им надежду на избавление от издевательств и непосильного труда. Сохранилось письмо в газету, отправленное в 1941 г. 11-летней(!) невестой из уезда Аньдин (подрайон Яньшу; ныне г. Цзычан, пров. Шэньси), в нем девочка обращалась с просьбой о разводе в Женскую ассоциацию пограничного района и жаловалась на жестокое обращение со стороны свекра (см.: Кан 1941). Понятно, что просьбы о разводе за таких малолетних жен подавали их родители или они помогали написать такие обращения. Архив провинции Шэньси сохранил жалобу родителей некой Ли Чжилань (уезд Мичжи, подрайон Суйдэ), которую выдали по договору за страдающего от деменции глухонемого сверстника. На следующий же день после свадьбы девушка со слезами сбежала

от мужа и угрожала самоубийством, если родители не сумеют добиться развода (см.: Архив 2 б.г.).

Переплетение традиций и нововведений рождало непредвиденные казусы. В складывавшейся веками системе представлений о брачно-семейных отношениях помолвка была эквивалентна договору о браке, ее расторжение – разрыву брачных отношений, т.е. разводу; выкуп за невесту обычно выплачивался именно в момент помолвки. Новое же “Положение о браке пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся” не позволяло признавать помолвку равной заключению брака. В судебные инстанции посыпались протесты в связи со злонамеренным использованием женщинами обретенной ими “свободы”: они уходили от мужей без всякого возвращения выкупа. Для брошенных мужчин это означало потерю и жены, и денег. Например, в 1941 г. в уезде Аньсай, подрайоне Яньшу пограничного района (ныне р-н Аньсай, г. Яньвань, пров. Шэньси) случился казус, получивший название “Одна дочь, два обещания”. Девушка Жунь была сговорена отцом в семью Сюй еще в юности, за нее был получен выкуп; после смерти отца девушки ее мать повторно вышла замуж, и отчим решил снова сговорить Жунь – но уже в другую семью, и тоже получил выкуп. В итоге семьи, в которые была сговорена девушка, начали между собой судебную тяжбу, описание которой сохранилось в документах местных органов управления (решение по ней неизвестно) (Цун 2015: 138).

Традиция предполагала уплату выкупа за невесту, а “Положение...” – нет. Попытки брошенных мужей вернуть хотя бы деньги были безуспешны, все зависело только от доброй воли семей и родственников сбежавших жен. Если какие-то денежные средства и возвращались, то эти суммы всегда были меньше выкупа, что объяснялось инфляцией. Пытаясь сгладить последствия слишком решительной ломки старых порядков, председательница Комитета женщин ЦК КПК Цай Чан вынуждена была заявить: “Мы сделали ошибку, слишком рьяно защищая права женщин. Вызванное этой ошибкой недовольство и противоречия между мужчинами и женщинами ослабили силы, брошенные на борьбу с японскими захватчиками” (см.: Стронг 1984: 164).

С очевидными трудностями в реализации столкнулась и практика, касающаяся свободы развода женщин с военнослужащими. Полномасштабная японская агрессия (1937–1945) требовала от Китая регулярных мобилизаций мужского населения, женщины в отсутствие мужей стали чаще подавать иски о разводе, и поначалу суды рассматривали их как следствие обычных семейных споров. Жены получали развод, а их мужья после многолетней службы возвращались в опустевший дом, где не было ни души. Столкнувшись с недовольством со стороны участников боевых действий, в 1943 г. власти внесли коррективы в законодательство о разводе, сократив число поводов, дающих право на одностороннее расторжение брака по требованию женщины. Жены военнослужащих получили право требовать развод, если не имели известий о своих мужьях в течение пяти лет, а в случае помолвки – в течение трех лет (см.: Хань, Чан 1984б: 807–808). Иски о разводе стали рассматривать более внимательно, иногда удовлетворяя требование, а иногда – нет; выносились решения о необходимости мирного урегулирования семейного конфликта, предлагалось отложить решение о расторжении брачных уз (Cong 2016: 150–161).

Как следствие нового видения социальных перспектив в брачное законодательство стали вносить все новые и новые поправки. Так, в 1944 г. был определен

статус *выкупа за невесту*, в связи с этим при расторжении брака закон требовал “возвращать подарки, полученные при помолвке” (см.: Хань, Чан 1984в: 809). А поправка 1946 г. к “Положению...” разделила законодательно практику выкупа и брак в форме купли-продажи: выкуп был признан разумным обычаем, однако, если общая сумма выплат была настолько велика, что могла изменить экономическое положение семьи получателя, то это уже считалось браком в форме купли-продажи, в таких случаях суд мог конфисковать большую часть средств в пользу общества, а небольшую часть вернуть семье жениха (Цун 2015: 142). Тем не менее шаг навстречу признанию прав женщин был сделан ровно тогда, когда впервые в китайской истории развернулась дискуссия о содержании понятия “семейное домашнее насилие”. Эта дискуссия оказалась даже более эффективным средством урегулирования внутрисемейных отношений, чем узаконенное право женщин на развод или все споры о размерах выкупа и правах на эти денежные средства (Cong 2016: 150–161).

Право на развод, появившееся неожиданно и стремительно ворвавшееся в жизнь, как ни удивительно, далеко не всеми сельскими женщинами было принято с восторгом. Жительница д. Яньтай в провинции Ганьсу, размышляя о “Положении...”, принятом почти век назад, сказала: “У каждой семьи свои потаенные горести, какой брак без конфликтов? Это нормально: ссориться в изголовье кровати и мириться в ее изножье. Маленькой я и не слышала о разводах, не было у женщин тогда такой идеи” (ПМА 3: МХQ). Помимо прочего, правоприменение “Положения...” повлекло за собой немало судебных дел, связанных с правами ребенка и определением его местожительства. Жительница д. Яовандун в Ганьсу рассказала о своей тетке, бывшей замужем за опиумным наркоманом, спустившим на покупку зелья все семейное имущество: “Моя тетя попросила развод у семьи мужа, но свекровь была против, не отдавала внука”. В итоге тетя решила “просто жить, по-прежнему оставаться вместе” (ПМА 1: RYZ), да и общественное мнение жителей деревни, которые осудили бы развал семьи, оказалось для нее фактором сдерживания.

* * *

Таким образом, за полтора-два десятилетия в северных провинциях Китая был проведен ряд реформ в области семейно-брачных отношений, существенно повлиявших на статус женщины в обществе. Решительные преобразования, на которые была нацелена часть китайского общества, признавшая социалистическую общественную перспективу, наталкивались на глубоко укорененные традиционные убеждения: слишком глубоки были представления о том, что брачный выбор нельзя доверять молодым, что ответственность за решение таких вопросов должна лежать на родителях. Так, в провинции Ганьсу вплоть до 1980-х годов (по данным социологических исследований конца XX в.) более 70% браков заключались по инициативе родителей и по договоренности со свахами. Большинство населения здесь составляли сельские жители, отличавшиеся малой мобильностью, что обусловлено было политикой укрепления государственного контроля над сельским обществом и в конечном счете привело к сокращению числа мигрантов (Фэн 1998: 47). Проблемы вызывало и то, что новые установления нацеливали на решение спорных вопросов в судебном порядке, а это противоречило давней “традиции гармонии”, “доктрины середины” — умения решать

споры мирным путем через частные переговоры и достигать компромисса, не ища посредников и не обращаясь к закону.

Однако именно на севере Китая, в сельском районе Шэньси–Ганьсу–Нинся, идеал “свободы брака”, активно внедряемый идеологами новой власти, постепенно получал признание, несмотря на все сложности. “Положение о браке пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся” сильно изменило статус женщины в китайских семьях. Начавшаяся в 1930-е годы реформа не просто разрушала прежнюю этику и ломала предрассудки, но и дарила женщинам множество новых “опций” – начиная со свободы выбора жениха и заканчивая большей уверенностью в своем будущем в случае разрыва семейных отношений, что, несомненно, отразилось на удовлетворенности браком (*Higgins et al.* 2002). Начиная с 1940-х годов стала сходить на нет практика продажи девочек в качестве будущих невест. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что миновали времена, “когда люди страдали от голода, не хватало пищи”; в 1940-е годы “крестьянам были выделены земли, жизнь улучшилась, и мы больше не слышали об этом (о продаже девочек. – *Авт.*)” (ПМА 3: МХQ).

Проведенные преобразования резко ослабили мужской авторитет в китайских семьях, способствовали формированию и подъему социального женского самосознания. Они подталкивали женщин учиться защищать свои права и интересы и, опираясь на новые законодательные нормы, смелее противодействовать прежним ритуалам и обычаям. В известном смысле эти нововведения пошатнули даже вечную опору на конфуцианские основы традиций с их особым акцентом на коллективистские ценности и призывами к безусловному подчинению индивидуальных интересов интересам семьи. Прежние ценности очевидно ограничивали права личности и ее свободу, затрудняя формирование у женщин ощущения личной независимости, уверенности в себе, предприимчивости. Доля воспользовавшихся (благодаря “Положению...”) новыми возможностями женщин была очень мала в сравнении с многомиллионным населением провинций. Но именно эти женщины стали проводниками реформ на пути к новой жизни, а их примеру последовали многие другие, родившиеся и вступившие в брак позже. Эмансипация женщин явила себя как двусторонний процесс взаимодействия власти и тех, кто веками не имел права высказывать свое мнение.

Примечания

¹ Дань – единица измерения сухих товаров в Китае. В провинциях Шэньси, Ганьсу и Нинся 1 дань был равен 180 кг.

² См.: Серия местных хроник Шэньси. Хроники уезда Хэншань. Сиань: Шэньсиское народное изд-во, 1993. С. 131; Хроники провинции Шэньси и фольклорные хроники. Сиань: Саньцин, 2000. С. 179.

Источники и материалы

Архив 1 б.г. – Архив провинции Шэньси. Оп. 46. Д. 14. Документ “Вопросы брака в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся”.

Архив 2 б.г. – Архив провинции Шэньси. Оп. 46. Д. 14. Документ “Проблемы женских браков в Мичжи”.

Декларация... 1989 – Декларация Второго национального конгресса КПК. Избранные документы ЦК КПК. Т. 1. Пекин: Изд-во Центральной партий-

- ной школы ЦК КПК, 1989.
- История... 1989 – История китайского женского движения. Пекин: Весна и осень, 1989.
- Кан 1941 – Кан М. Жалобы на развод: уголок жизни сельских женщин // Цзефан Жибао. 16 июля 1941 г.
- Ли 2005 – Ли Ф.Ю. (ред.) Песни о любви северного Шэньси. Юйлинь: Юйлинская газетно-полиграфическая фабрика, 2005.
- Лян 2015а – Лян Ц.Ч. Обсуждение реформ. Рассуждения о женском образовании. Коллекция работ Иньбинши. Т. 1. Пекин: Китайское книжное бюро, 2015а.
- Лян 2015б – Лян Ц.Ч. Инициатива создания женской учебной школы. Коллекция работ Иньбинши. Т. 2. Пекин: Китайское книжное бюро, 2015б.
- Мао и др. 2020 – Мао Ц.Д., Сян И., Чжан Г.Т. Декрет первой сессии Центрального исполнительного комитета Китайской Советской Республики “Временные положения о браке” (28 января 1931 г.) // Maoism.ru. 21.11.2020. <http://maoism.ru/16048>
- Чернякова 2018 – Чернякова С. Культурный шок здесь неизбежен // Афиша Daily. 09.02.2018. <https://daily.afisha.ru/relationship/8131-zdes-kolyut-botoks-pofenshuu-neveroyatnaya-istoriya-rossiyanki-pereehavshey-v-kitay>
- ПМА 1 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цинъян, подрайон Лундун, пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информанты: HYZ, 1937 г.р.; LPH, 1945 г.р.; RLL, 1933 г.р.; RYZ, 1937 г.р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в район Сифэн, г. Цинъян, пров. Ганьсу, КНР. Апрель 2023 г. (информант LYL, 1989 г.р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, уезд Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цюйцзы, подрайон Лундун, пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информанты: YSL, 1936 г.р.; MXQ, 1935 г.р.).
- ПМА 4 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в д. Баймамяо, пос. Наньян, уезд Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Хуачи, подрайон Лундун, пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант HVBQ, 1949 г.р.).
- Стронг 1984 – Стронг А.Л. Китайцы покоряют Китай / Пер. Л. Вэйнин. Пекин: Пекинское изд-во, 1984.
- Сюй, Ван 2001 – Сюй Ф.В., Ван К.Ц. Уродливые обычаи в Китае. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное изд-во, 2001.
- Хань, Чан 1984а – Хань Я.Л., Чан Ч.Ж. (ред.) Положение пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся о браке (4 апреля 1939 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Т. 4. Пекин: Изд-во социальных наук Китая, 1984а. С. 804–807.
- Хань, Чан 1984б – Хань Я.Л., Чан Ч.Ж. (ред.) Порядок развода супругов бойцов в войне против Японии (01 января 1943 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Т. 4. Пекин: Изд-во социальных наук Китая, 1984б.
- Хань, Чан 1984в – Хань Я.Л., Чан Ч.Ж. (ред.) Поправка к временным правилам пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся о браке (20 марта 1944 г.) //

Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Т. 4. Пекин: Изд-во социальных наук Китая, 1984в.

Хэ 2009 – Хэ Б.У. Комментарии к хроникам уезда Хуанлин на 33-м году Китайской Республики. Т. 18, Обычай, баллады и пословицы. Сиань: Шэньсийское народное изд-во, 2009.

Ян 2000 – Ян Ц.Ч. (ред.) Местные хроники провинции Шэньси – Обычай. Сиань: Санцинь, 2000.

Higgins L., Zheng M., Liu Y., Sun C.H. Attitudes to Marriage and Sexual Behaviors: A Survey of Gender and Culture Differences in China and United Kingdom // Sex Roles. 2002. Vol. 46. No. 3. P. 75–89.

Научная литература

Безбах В.В. и др. Гражданский процесс и гражданское законодательство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: РУДН, 2015.

Ван И. Выход из семьи и укрепление семьи: эмансипация женщин в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся в годы войны 1937–1945 гг. // Кайфан Шидай. 2018. № 4. С. 31–35. (на кит. яз.)

Ван М.С. Китайское женское движение под влиянием распространения западных знаний на Восток в период новой истории // Бэйцзин Дасюэ Сюэбао (Чжэсюэ Шэхуэй Кэсюэбань). 1995. № 4. (на кит. яз.)

Ван М., Цун Л. Структура семьи и традиции семейных отношений в Китайской Народной Республике в историко-социальном контексте // Социология. 2020. № 4. С. 174–180.

Ван Ш.Ж. Практика и опыт внедрения принципа свободы брака Верховным судом пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся // Чжунго Фасюэ. 2007. № 2. С. 96–107. (на кит. яз.)

Ван Я.Л. Исследование супружеской жизни в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся с точки зрения отношений между женщинами, браком и революцией. PhD. Шаньсийский университет, Тайюань, 2016. (на кит. яз.)

Воцилина Е.В. Семейно-клановые отношения в китайском обществе // Культурологические опыты / Отв. ред. М.В. Амгаланова, Е.С. Манзырева. Улан-Удэ: ВСГИК, 2017. С. 27–30.

Вэнь В.Ф. Семейное положение детей-невест в конце династии Цин и причины их распространенности // Ганьсу Синчжэн Сюэюань Сюэбао. 2005. № 2.

Гу Т. О традиционных свадьбах, основанных на человеческой природе и чувствах // Цинхуа Дасюэ Сюэбао (Чжэсюэ Шэхуэй Кэсюэбань). 2012. № 1. С. 86–95. (на кит. яз.)

Дворкин А. Гиноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории / Ред. Е.И. Гапова, А.Р. Усманова. Минск: Пропилеи, 2000. С. 7–29.

Ду Ф.Ц., Ван Ч. Женщины и гендер в истории Китая. Тяньцзинь: Тяньцзинь Жэньминь Чубаньшэ, 2004. (на кит. яз.)

Ли В.Х. (ред.) Серия социальных исследований в Китайской Республике: брак и семья. Фучжоу: Фучзянь Цзяюй Чубаньшэ, 2005. (на кит. яз.)

Лю Х., Карр Р.Е., Ко Д., Чэнь Я.Г. Предвестник современной мысли: о вкладе Хэ Иньчжэнь в транснациональную феминистскую теорию // Чжунго Сяньдай Вэньсюэ Яньцзю Цункань. 2014. № 5. (на кит. яз.)

- Манухина О.В.* Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости: исторический аспект. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт Дальнего Востока РАН, Москва, 2007.
- Сун Ш.П.* Китай и женщины в зеркале Запада: гендерные стандарты цивилизации и рассуждение о феминизме в конце династии Цин. Пекин: Шэхуэй Кэсюэ Вэньсянь Чубаньшэ, 2016. (на кит. яз.)
- Сюй С.Ц.* Рассмотрение уродливой практики мужского превосходства в сельской местности на современном этапе // Хэнань Шэхуэй Кэсюэ. 2001. № 1. (на кит. яз.)
- Тао Ц.С.* Высокая сумма выкупа за невесту: взгляд на понимание феномена сельской эксплуатации внутри поколений – размышления о ранних браках сельских женщин с гендерной точки зрения // Миньсу Яньцзю. 2011. № 3. (на кит. яз.)
- Фридман М.* Линиджевая организация в Юго-Восточном Китае. Шанхай: Шанхай Жэньминь Чубаньшэ, 2000 [1958]. (на кит. яз.)
- Фэн Ч.Ц.* Отзыв о пропорции полов в сельских районах в период Китайской Республики на примере деревень северных провинций в 1920–1930 годах // Жэньвэнь Цзачжи. 2016. № 12. (на кит. яз.)
- Фэн Ш.П.* Выбор партнера: процесс, пронизанный волей родителей. Краткий анализ влияния сельских родителей на выбор партнера детьми в провинции Ганьсу // Ганьсу Шэхуэй Кэсюэ. 1998. № 2. (на кит. яз.)
- Хуан Ч.Л.* Сельские женщины в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся в период войны против Японии // Канжи Чжаньчжэн Яньцзю. 2004. № 2. С. 75–99. (на кит. яз.)
- Хуан Ч.Л.* Социальные преобразования в сельской местности в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся с 1937 по 1945 гг. // Канжи Чжаньчжэн Яньцзю. 2006. № 2. С. 48–80. (на кит. яз.)
- Цинь Я., Юэ Л.* Из закрытого: брак и рождаемость женщин в северной части провинции Шэньси (1900–1949). Сиань: Шэньси Жэньминь Чубаньшэ, 1997. (на кит. яз.)
- Цуй Л.П.* Анализ реформы системы брака в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся // Сибэй Дасюэ Сюэбао (Чжэсюэ Шэхуэй Кэсюэбань). 2000. № 4. С. 96–99. (на кит. яз.)
- Цун С.П.* Цзо Жунь подала в суд на Ван Иньсуо: женщины, брак и построение государства в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся в 1940-х годах // Кайфан Шидай. 2009. № 10. С. 62–79. (на кит. яз.)
- Цун С.П.* От “свободы брака” к “самоопределяемому браку”: реконструкция брака в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся в 40-х годах XX в. // Кайфан Шидай. 2015. № 5. С. 131–149. (на кит. яз.)
- Юе Г.Ф.* Исследование социальных и культурных изменений в сельских районах пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся в период Яньань. PhD. Шэньсийский педагогический университет, Сиань, 2017. (на кит. яз.)
- Юе Л., Цинь Ф.* О реформе брачных обычаев и изменении статуса женщин в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся // Сибэй Дасюэ Сюэбао (Чжэсюэ Шэхуэй Кэсюэбань). 2004. № 1. С. 79–83. (на кит. яз.)
- Cong X.P.* Marriage, Law and Gender in Revolutionary China (1940–1960). N.Y.: Cambridge University Press, 2016.
- Gipoulon C.* Qiu Jin – Der Stein des Vogels Jingwei. Frau und Revolutionärin im China des 19. Jhs. Munchen: Des femmes, 1977.

Research Article

Li, Y.L., and N.L. Pushkareva. Legal Aspects of the Family Life of Chinese Women in the First Half of the Twentieth Century: Erosion of Patriarchate, Consequences of Modernization [Pravovye aspekty semeinoi zhizni kitaianok v pervoi polovine XX v.: eroziia patriarkhal'nosti, posledstviia modernizatsii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 2, pp. 190–205. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020108> EDN: CKBJFY ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Yilei Li | <http://orcid.org/0000-0003-1410-5826> | liyilei1212@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia) | Lanzhou Jiaotong University (No. 88, Anning West Road, Anning District, Lanzhou City, Gansu Province, 730070, PRC)

Natalya Pushkareva | <http://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

rural women, women's rights, reforms, women's everyday life, historical anthropology, oral history, border region of Shaanxi–Gansu–Ningxia, China, 1937–1949

Abstract

The article analyzes the perception and attitudes of local residents towards the reforms implemented by the new authorities during the period from 1937 to 1949, particularly regarding the change in the social status of rural women in the provinces of Shaanxi, Gansu, and Ningxia. We argue that deeply rooted traditional beliefs created significant difficulties in implementing programs aimed at radical transformations, which were endorsed by a portion of Chinese society embracing a socialist perspective. The ideal of “freedom of marriage”, actively promoted by the ideologues of the new authorities, faced recognition with noticeable difficulties. Nonetheless, the reforms that began in the 1930s not only undermined the reliance on seemingly eternal Confucian-based traditions but also contributed to the formation and rise of the social self-consciousness of women, prompting them to learn to defend their rights and interests.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075-15-2022-328]

References

- Bezbakh, V.V., et al. 2015. *Grazhdanskii protsess i grazhdanskoe zakonodatel'stvo v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Civil Procedure and Civil Legislation in the Countries of the Asia-Pacific Region]. Moscow: RUDN.
- Cong, X.P. 2009. Zuorun su Wangyinsuo: 20 shiji 40 niandai ShanGanNing bianqu de funü, hunyin yu guojia jiangou [Zuo Rong Sues Wang Yinxuo: Women, Marriage and State Building in the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region in the 1940s]. *Kaifang shidai* 10: 62–79.
- Cong, X.P. 2015. Cong “hunyin ziyou” dao “hunyin zizhu”: 20 shiji 40 niandai ShanGanNing bianqu hunyin de chongsu [From “Freedom of Marriage” to “Self-Determined Marriage”: The Reconstruction of Marriage in the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region in the 1940s]. *Kaifang shidai* 5: 131–149.
- Cong, X.P. 2016. *Marriage, Law and Gender in Revolutionary China (1940–1960)*. New York: Cambridge University Press.

- Cui, L.P. 2000. ShanGanNing bianqu hunyin zhidu gaige tanxi [Analysis of Marriage System Reform in the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region]. *Xibe daxue xuebao (Zhaxue shehui kexueban)* 4: 96–99.
- Du, F.Q., and Z. Wang. 2004. *Zhongguo lishi zhong de funü yu xingbie* [Women and Gender in Chinese History]. Tianjin: Tianjin renmin chubanshe.
- Dvorkin, A. 2000. Ginotsid, ili kitaiskoe bintovanie nog [Gynocide, or Chinese Foot Binding]. In *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of Gender Theory], edited by E.I. Gapova and A.R. Usmanova, 7–29. Minsk: Propilei.
- Feng, C.J. 2016. Minguo shiqi xiangcun xingbie bili wenti shuping yi 1920–1930 niandai huabei xiangcun wei zhongxin [Review on the Proportion of Sexes in Rural Areas during the Republic of China – a Case Study of Villages in Northern Provinces in 1920–1930]. *Renwen zazhi* 12.
- Feng, S.P. 1998. Ze'ou: yige shentou zhe fumu yizhi de guocheng – jianxi gansu nongcun fumu dui zinü ze'ou xingwei de yingxiang [Partner Choice: a Process Permeated by Parental Will: A Brief Analysis of the Influence of Rural Parents on Children's Partner Choice in Gansu Province]. *Gansu shehui kexue* 2.
- Freedman, M. (1958) 2000. *Linidzhevaia organizatsiia v Yugo-Vostochnom Kitae* [Lineage Organization in Southeastern China]. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe.
- Gipoulon, C. 1977. *Qiu Jin – Der Stein des Vogels Jingwei. Frau und Revolutionärin im China des 19. Jhs* [Qiu Jin – The Stone of the Bird Jingwei: Woman and Revolutionary in 19th Century China]. Munchen: Des femmes.
- Gu, T. 2012. Lun gudian hunli genzhiyu ren zhi qingxing [About Traditional Weddings Based on Human Nature and Feelings]. *Qinghua daxue xuebao (Zhaxue shehui kexueban)* 1: 86–95.
- Huang, Z.L. 2004. Kangzhan shiqi ShanGanNing bianqu de xiangcun funü [Rural Women in the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region during the War against Japan]. *Kang ri zhan zheng yan jiu* 2: 75–99.
- Huang, Z.L. 2006. 1937–1945 nian ShanGanNing bianqu de xiangcun shehui gaizao [Rural Social Transformation in the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region from 1937 to 1945]. *Kang ri zhan zheng yan jiu* 2: 48–80.
- Higgins, L., M. Zheng, Y. Liu, and C.H. Sun. 2002. Attitudes to Marriage and Sexual Behaviors: A Survey of Gender and Culture Differences in China and United Kingdom. *Sex Roles* 46 (3): 75–89.
- Li, W.H., ed. 2005. *Minguo shiqi shehui diaocha congbian: hunyin jiating juan* [Social Research Series in the Republic of China: Marriage and Family]. Fuzhou: Fujian jiaoyu chubanshe.
- Liu, H., R.E. Karl, D. Ko, and Y.G. Chen. 2014. Yige xiandai sixiang de xiansheng: lun He Yinzhen dui kuaguo nüquan zhuyi lilun de gongxian [A Harbinger of Modern Thought: On He Yinzhen's Contributions to Transnational Feminist Theory]. *Zhongguo xiandai wenxue yanjiu congkan* 5.
- Manukhina, O.V. 2007. Institut sem'i i braka v Kitae v period reform i otkrytosti: istoricheskii aspect [The Institution of Family and Marriage in China During the Reform and Opening-up Period: A Historical Perspective]. PhD diss. abstract, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
- Qin, Y., and L. Yue. 1997. *Zouchu fengbi: shanbei funü de hunyin yu shengyu (1900–1949)* [Out of Closure: Marriage and Childbearing among Women in Northern Shaanxi (1900–1949)]. Xi'an: Shanxi renmin chubanshe.
- Song, S.P. 2016. “Xiyangjing” li de zhongguo yu funü: wenming de xingbie biao zhun he

- wanqing nüquan lunshu* [China and Women in the Mirror of the West: Gender Standards of Civilization and Discourse on Feminism at the End of the Qing Dynasty]. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe.
- Tao, Z.X. 2011. Gao'e caili: lijie nongcun dainei boxue xianxiang de yizhong shijiao – xingbie shijiao xia nongcun nüxing zaohun de sikao [High Bride Price: a Look at Understanding the Phenomenon of Rural Intra-Generational Exploitation – Reflections on Early Marriages of Rural Women from a Gender Perspective]. *Minsu yanjiu* 3.
- Voshchilina, E.V. 2017. Semeino-klanovye otnosheniia v kitaiskom obshchestve [Family-Clan Relations in Chinese Society]. In *Kul'turologicheskie opyty* [Cultural Experiments], edited by M.V. Amgalanova and E.S. Manzyreva, 27–30. Ulan-Ude: VSGIK.
- Wang, M.X. 1995. Xixue dongjian yingxiang xia de zhongguo jindai funü yundong [Chinese Women's Movement Influenced by the Spread of Western Knowledge to the East during the Modern Period]. *Beijing daxue xuebao (Zhaxue shehui kexueban)* 4.
- Wang, M., and L. Cong. 2020. Struktura sem'i i traditsii semeinykh otnoshenii v Kitaiskoi Narodnoi Respublike v istoriko-sotsial'nom kontekste [Family Structure and Traditions of Family Relations in the People's Republic of China in the Historical and Social Context]. *Sotsiologiya* 4: 174–180.
- Wang, S.R. 2007. ShanGanNing bianqu gaodeng fayuan tuixing hunyin ziyou yuanze de shijian yu jingyan [Practice and Experience of Introducing the Principle of Freedom of Marriage by the Supreme Court of the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region]. *Zhongguo faxue* 2: 96–107.
- Wang, Y.L. 2016. ShanGanNing bianqu funü hunyin shenghuo yanjiu cong nüxing, hunyin yu geming guanxi de shijiao kaocha [A Study of Marital Life in the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region from the Perspective of the Relationship Between Women, Marriage, and Revolution]. PhD diss., Shanxi University.
- Wang, Y. 2018. Zouchu jiating yu gonggu jiating: kangri zhanzheng shiqi ShanGanNing bianqu de funü jie fang (1937–1945) [Leaving the Family and Strengthening the Family: Women's Emancipation in the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region during the War against Japan (1937–1945)]. *Kaifang shidai* 4: 31–35.
- Wen, W.F. 2005. Wanqing tongyangxi de hunyin zhuangkuang jiqi shengxing de yuanyin [The Marital Status of Child Brides in the Late Qing Dynasty and the Reasons for Their Prevalence]. *Gansu xingzheng xueyuan xuebao* 2.
- Xu, X.Q. 2001. Xianjieduan nongcun zhongnanqingnü louxi toushi [Consideration of the Ugly Practice of Male Supremacy in Rural Areas at the Present Stage]. *Henan shehui kexue* 1.
- Yue, G.F. 2017. Yan'an shiqi ShanGanNing bianqu xiangcun shehui wenhua bianqian yanjiu [A Study of Social and Cultural Changes in Rural Areas of the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region during the Yan'an Period]. PhD diss., Shaanxi Normal University.
- Yue, L., and F. Qin. 2004. Lun ShanGanNing bianqu hunsu gaige yu funü diwei de zhuanbian [On Reforming Marriage Customs and Changing the Status of Women in the Shaanxi–Gansu–Ningxia Border Region]. *Xibei daxue xuebao (Zhaxue shehui kexueban)* 1: 79–83.